

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

О.Б. БОЖКОВ

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ — ЭТО ЧАСТЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ

**Фирсов Б.М. ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ:
1950 – 1980-е гг. Очерки [УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ].
СПб.: Изд-во ЕУ в СПб., 2012. — 476 с.**

Фраза, вынесенная в название, и к автору книги, о которой идет речь, и к рецензенту имеет самое прямое отношение. По классификации советских социологов, предложенной Б.З. Докторовым [1], Б.М. Фирсов относится ко второму поколению. Оно вплотную примыкает к поколению «отцов-основателей» советской социологии (кстати, по общепринятым, возрастным, меркам — это одно поколение). И первые, и вторые пришли в социологию уже сложившимися людьми и с энтузиазмом (по сути дела, «с нуля») осваивали новые для себя профессии. Так что представленные в книге очерки истории можно отнести к результатам «включенного наблюдения» или даже «наблюдающего участия». Эту историю автор рецензируемой книги не только наблюдал изнутри, но и непосредственно в ней участвовал.

Первый подход к теме истории советской социологии был сделан более десяти лет назад, когда Б.М. Фирсов прочитал студентам Европейского университета соответствующий курс лекций [5].

Божков Олег Борисович — старший научный сотрудник Социологического института РАН. Адрес: 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14, офис 506. Телефон: 8 (812) 316-21-62.
Электронная почта: olegbozh@gmail.com

«Социологический журнал» постоянно освещает на своих страницах результаты исследований по истории советской/российской социологии и намерен вернуться к обсуждению книги Б.М. Фирсова. — *Прим. ред.*

Курс (2001) включал ценную фактическую информацию и органично, как мне кажется, вошел в корпус учебной литературы. Во всяком случае, я часто обращался к нему, когда готовился к лекциям и семинарским занятиям со студентами. Недавно вышедшая книга (2012) дополнилась новыми документами и фактами, раскрывающими не только «фабульные» аспекты нашей истории, но и содержательные направления социологической работы. Расширился и круг персоналий.

Получив эту книгу, я прочитал её, что называется, «на одном дыхании», отложив все (даже неотложные) дела. Я окунулся в недавнее прошлое, которое описано живо и страстно. Тем более что с большинством героев этой истории знаком не понаслышке. С удовлетворением отметил, что многие вещи (эпизоды, ситуации), которые жили как фольклор, наконец-то опубликованы и теперь могут быть включены в научный оборот.

На титульном листе настоящей книги написано, что это второе дополненное издание. Дополнений в нем немало, вторая книга стала объемнее по сравнению с первой (476 страниц против 294); поначалу мне показалось, что и концепция её несколько обновилась и стала более основательной, более взвешенной.

Повод говорить, что концепция изменилась, дало сравнение предварающих книги текстов «От автора» (во втором издании предьявлены они оба). В первом центральным моментом был выбор варианта изложения исторического процесса. Первый вариант предусматривал акцент *«на анализе путей становления и развития различных областей социологического знания в послесталинский период»*; по второму варианту *«предполагалось представить каждое из основных направлений с помощью case study (детальный разбор наиболее представительных, классических работ советского периода, сфокусированный на их теоретических предпосылках, методологии, технике сбора данных и полученных результатах)»*. В книге 2001 года, к моему сожалению, автор отдал предпочтение (и коллеги его в этом поддержали) третьему варианту, который имел целью *«показать “восхождение на Голгофу” социологического знания в условиях советского государства, при этом центральной темой должны были стать отношения между социологией и властью»* (с. 10)¹.

На мой взгляд, этот вариант имел налет конъюнктурности (то есть был «актуальным», «горячим», а потому — самым узким и в каком-то смысле — тупиковым). И тогда, и сейчас я считаю, что адрес

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы рецензируемой книги.

социологии отнюдь не власть. Недаром Ханс Фрайер высказался в том духе, что социология — это самосознание общества.

К тому же, не только у советской социологии «не складывались отношения» с властью. Российских социологов и социальных мыслителей власти тоже не жаловали: сажали в тюрьмы за социологические и социалистические идеи (П. Ткачев, П. Сорокин, например), вынуждали покидать Родину и подолгу жить на чужбине (А. Герцен, М. Бакунин, Е. де Роберти, М. Ковалевский и др.). Да и К. Маркс вынужден был жить вдали от родной Германии. Но отношение социологов к власти было вполне критическим, они говорили о власти в открытую, а с самой властью — на равных. Достаточно вспомнить Марксовы заметки в газете, например «Дебаты шестого рейнского ландтага о свободе печати», где он пишет: «Правительство слышит только свой собственный голос, оно знает, что слышит только свой собственный голос, и, тем не менее, оно поддерживает в себе самообман, будто слышит голос народа, и требует также и от народа, чтобы он поддерживал этот самообман. Народ же, со своей стороны, либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо, совершенно отвернувшись от государственной жизни, превращается в толпу людей, живущих только частной жизнью» [3, с. 69]. Для нашей почвы и сегодня цитата куда как актуальна.

Конечно, власть в советский период (даже послесталинский) и цензура (даже в оттепель) были покруче, чем во времена Маркса. Но все-таки, думаю, не это в первую очередь определяло состояние родившейся заново советской социологии. Сама советская реальность, — в частности, развитие массового жилищного строительства, отсутствие надежной социальной статистики, и, как реакция на это, опыт комплексного социально-экономического планирования, — «подталкивала» к социологии. Она «по жизни» оказалась востребованной обществом.

В 2001 году я взялся было написать рецензию на первое издание книги, но... Во-первых, мое неприятие заявленной концепции было довольно резким, а глубокое уважение к автору «Истории» не допускало ничего подобного, и в этом была особая проблема; во-вторых, меня остановило убедительное замечание главного редактора «Социологического журнала» Г.С. Батыгина («тут нужен крупный калибр»), с которым я поделился своим видением книги и которому предложил не написанную еще рецензию.

Сами по себе слова, которыми обозначался третий вариант — «*восхождение на Голгофу*», — представлялись излишне пафосными и неверными по существу. Когда учитель и друг автора курса В.А. Ядов вместе со своим соратником А.Г. Здравомысловым затевали исследование, получившее название «Человек и его работа», никакой «Голгофы»

не было и не могло быть в их сознании. Они просто хотели узнать, что происходит в сфере труда, что мешает и что может помочь нашей стране добиться наивысшей производительности труда. Уже в постсоветское время Ядов и Здравомыслов (отнюдь не в порядке «самооправдания») анализировали интенции, подвигнувшие их к этому проекту [2]. И нет никаких оснований не верить в искренность и достоверность этой саморефлексии.

Текст «От автора» в новой книге начинается с констатации того факта, что «за время, прошедшее после выхода в свет первого издания <...> российскими учеными было сделано чрезвычайно много для всестороннего познания истории русской (пореволюционной), советской и российской (постсоветской) социологии» (с. 12). И далее следует обширная библиография «исторических публикаций» последних десяти лет, которая занимает почти две страницы убористого типографского текста. Жаль только, что не упомянуты публикации в «Социологическом журнале» под рубриками «Ретроспектива» и «Профессиональная биография», а также проект Б. Докторова и Д. Шалина «Международная биографическая инициатива».

Квинтэссенция «другой» концепции, как мне казалось поначалу, сосредоточена в следующем замечании автора: «Готовя второе (дополненное и переработанное) издание, я сделал акцент на комментариях и документальных иллюстрациях к “каноническому” тексту, написанному ранее... Дополнения, если они имели место, были связаны с ликвидацией немалого числа “белых пятен”, лакун в моем первоначальном повествовании» (с. 15). Далее автор пишет: «Особое внимание было обращено на заключительную часть книги, где, помимо гамбургского счета нашей дисциплине, выставленного в конце советской истории, предпринимается попытка проанализировать качества научной среды, с которыми социология вошла в новый, российский период своей истории. <...>

Сама среда, в свете исследовательских данных последних лет, предстает далеко не однородной, в сильной степени сегментированной. Силы сцепления между этими сегментами отсутствуют, как и отсутствуют реальные лозунги для интеграции социологического сообщества, объединенного формальной принадлежностью к одному профессиональному цеху, но разъединенного различием интересов и устремлений его сегментов (частей)» (с. 15). Один из самых достойных, на мой взгляд, мотивов осмысления и написания истории советской социологии — стремление понять предшествующий опыт, чтобы через это понимание и совершенствовать «качества научной среды, с которыми социология вошла в новый, российский период своей истории».

Именно комментарии и документальные иллюстрации, призванные, по заявлению автора, «ликвидировать “белые пятна”, лакуны» и могли бы стать определяющими новую концепцию книги. Однако внимательное чтение и перечитывание книги развеяло впечатление, что концепция стала развиваться по второму варианту — «представить каждое из основных направлений с помощью *case study*». Сюжет «отношения социологии с властью», отнюдь не занял того места, которое должен был занять: это действительно важный, но далеко не самый важный фактор в развитии советской социологии.

Какие же «белые пятна» и лакуны удалось ликвидировать автору книги, а какие — не удалось? Для ответа на вопрос рассмотрим с этой точки зрения все девять очерков (лекций), включенных в книгу. Прежде всего, продолжена хронология событий вплоть до 1984 года (в первой книге последней точкой был 1972-й год). Фразеология описания событий по-прежнему «боевая». Так, из всех событий 1975-го года выделено одно — «“битва” с издательством “Советская энциклопедия”, которую вел директор ИСИ АН СССР Руткевич, отстаивая идейную чистоту понятийного языка марксистской социологии» (с. 40). Хроника 1977-го: «Еще один обертон эпохи застоя — борьба против идеологических диверсий, работа на “заинтересованные организации” (эвфемизм для обозначения органов государственной безопасности. — Б.Ф.). Благодаря созданному ранее (1970) отделу социологических проблем пропаганды ИСИ АН СССР это направление становится ведущим» (с. 41). 1984-й год: «Тот же отдел ИСИ АН СССР выскажется более определенно: несмотря на глушение передач зарубежного радио, оно по-прежнему сохраняет в нашей стране массовую, относительно стабильную по размерам аудиторию, охватывающую все основные категории населения» (с. 42).

Правда, в хронике отмечена и Записка отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС «О развитии социологического образования в стране», 23 апреля 1973 г. (с. 39). Но в этом же году были и другие события, характеризующие содержание социологической жизни того времени. В частности, осенью 1973 г. в Ленинграде состоялось трехдневное Всесоюзное рабочее совещание, посвященное методологическим и методическим проблемам контент-анализа², которое имело большой резонанс в социологическом сообществе и способствовало широкому распространению этого метода в исследованиях отечественных социологов.

² К этому совещанию был издан сборник тезисов в двух выпусках «Методологические и методические проблемы контент-анализа (тезисы докладов рабочего совещания социологов)» [4].

Заметные изменения претерпел второй очерк: ему предпослано новое вступительное замечание, посвященное дореволюционной российской социологии и её политической ангажированности, а также неразрывной связи российской общественной науки с классической русской литературой. Большие вставки посвящены становлению советской политической цензуры (с. 72–79), расширен и «Общий вывод к проблеме становления и развития дисциплины» (с. 94–95).

В третьей лекции (очерке) появился новый раздел «3.3. Социологические исследования и советские руководители. Манипулирование информацией» (с. 108–112). Вот пример, характерный для избранного автором интеллектуального направления: «Социология появилась на свет как дитя интеллигенции... Однако желание “верха” иметь как можно больше сведений пришло в противоречие с генетической привычкой контролировать всё, и информацию — прежде всего. Сказалась природа власти. Чем дольше она существовала, тем сильнее становился контроль из-за боязни утечки данных и тем энергичнее режим сопротивлялся опровержениям реальности, исходившим от социологов» (с. 108). И далее: «Образ социологии в стране с самого начала периода её возрождения зависел от природы партийного прагматизма, от целей деятельности и настроений лидеров страны» (с. 108). В этом же разделе — большой фрагмент, посвященный «сотрудничеству» цензуры и КГБ (с. 117–121). Характерно, что резюме к этому очерку дополнено «метафорическими отрывками из публицистической “тамиздатовской” книги П. Вайля и А. Гениса “60-е. Мир советского человека”» (с. 125–128).

Повторюсь, социология — наука об обществе, а власть — лишь один из элементов общества, один из объектов описания, исследования и анализа, который не может затмевать собой все общество. Оно делегировало власти (отдельным структурам и институтам) определенные функции, и если власть выходит за отведенные ей пределы, ей необходимо предъявлять соответствующий счет. Но делать это должна не социология, а общество. А уж обвинять власть в тех якобы исключительных бедах, которые претерпела социология, некорректно хотя бы потому, что и все другие элементы общества пострадали от узурпации власти в не меньшей мере. Власть так же «манипулировала» информацией по физике, генетике, биологии и всякой прочей.

Сегодняшняя власть не очень утомляет население различными идеологемами, однако одна все-таки регулярно звучит и по радио, и по телевидению. Я имею в виду гуманистическую идеологему «нормальности» инвалидов: «Люди так не делятся». Почему я её вспомнил? Да потому, что, конечно, можно «делить» социологов по критерию их отношения к власти. Однако я считаю, что социологи «так не делятся». Когда-то Г.С. Батыгин в шутку предложил другую классификацию

социологов (не столь дробную, как в четвертом очерке), состоящую всего из трех классов — по аналогии с классификацией собак: охотничьи, служебные и декоративные. На одном из своих семинаров (Вильнюс, начало 1980-х) Борис Андреевич Грушин выделил всего два класса социологов: тех, кто «делает» социологию как науку, и тех, кто «кормится» от социологии.

Выделенный во втором издании «Истории советской социологии» тип «независимого мыслящего ученого (модель 7)» (с. 151–156), конечно, можно отнести к первому классу, по Грушину. К этому типу принадлежит и А.Н. Алексеев, который в конце 1970-х годов провел «в инициативном порядке» исследование «Ожидаете ли Вы перемен». Безусловным украшением второго издания «Истории» стал подлинный фрагмент из этого экспертного опроса: «Экспертный лист № 45» (с. 196–211). Вот это действительно «закрытая лагуна», и она действительно должна найти отражение именно в учебнике — как образец «служения науке», честного и бескомпромиссного познания действительности.

Другой пример свободного полета и «интеллектуального раскрепощения» — знаменитые (замечу, в узком кругу) Кярикские встречи-семинары (Эстония), на которые съезжались исследователи массовой коммуникации.) Об этих встречах есть упоминания в разделе 4.6 соответствующего очерка, где речь идет об интервью с А.Б. Гофманом и А.Г. Левинсоном, а также о воспоминаниях Л.Н. Столовича.

Удивительно, почему автор не ввел в научный оборот еще один — уникальный для советского периода — эпизод свободного социологического полета — группу «Социология и театр» при Ленинградском отделении ВТО³, которой он, кстати, руководил, сменив на этом посту организатора и вдохновителя этой группы, в ту пору кандидата искусствоведения Виталия Николаевича Дмитриевского.

Шестой очерк дополнен авторской рефлексией по поводу научных школ в советской социологии и о причинах их отсутствия, а также новой информацией о «детективной истории» первого советско-американского исследования (с. 231–234).

Новый очерк, которого не было (да, думаю, и не могло быть) в первой книге, посвящен «контактам западной и отечественной социологии» (с. 248–291). Здесь я бы особо выделил раздел «7.6. Польская социология: Восток — на Западе и Запад — на Востоке?», ибо у советских социологов с польскими в самом деле были хорошие контакты, и именно у польской социологии было чему учиться.

³ ВТО — Всесоюзное театральное общество, впоследствии переименованное в Союз театральных деятелей Российской Федерации — СТД РФ.

Многим, безусловно, будет интересна информация о прямых контактах советских коллег с ведущими западными социологами Т. Парсонсом, Р. Мертоном, П. Сорокиным, Н. Смелзером, У. Химмельстрандом и др. Правда, нынешнее наше состояние вряд ли свидетельствует о том, что российская социология является частью мировой науки. Автор отдает в этом отчет, что подтверждают дополнения к последнему очерку, где предлагается оценка нашей социологии «по гамбургскому счету». Она не отторгается напрочь мировой социологической общественностью, но её вклад в «золотой фонд» мировой социологической науки что-то не видно. Отчасти это объясняется «отсутствием силы сцепления между разными сегментами (отечественной социологии)», которое и констатирует автор в заключительной части книги.

Девятый очерк также значительно расширен по сравнению с соответствующим очерком в первом издании книги. Расширен за счет добавления ранее не обсуждавшихся сюжетов: об оппозиции интеллигент – интеллигент, о социологическом сообществе в зеркале поколенческого анализа и, наконец, о сегментировании социологической научной среды (раздел 9.4. «“Бермудский треугольник” идеологии»). Впрочем, эта история выходит за обозначенные автором хронологические рамки (1950 – 1980-е годы) и относится не к советской, а к постсоветской социологии. Некоторые эпизоды истории (участником и свидетелем которых я также был), конечно, можно интерпретировать несколько иначе. Некоторые эпизоды автор, по моему мнению, «сдвигает» во времени⁴, но эти мелкие неточности естественны для исторических исследований и легко исправимы. Главное здесь — определенность авторской позиции.

Очень важная мысль, отражающая эту авторскую позицию, о связи российской социологии с русской классической литературой (с. 58), о которой уже упоминалось выше, высказана как бы «вскользь». Хотя, мне кажется, она могла бы быть развита более полно. Но, что, пожалуй, еще важнее: эта традиция имела продолжение и в советский период, однако автор, к сожалению, оставил её рассмотрение на полпути. Другой существенный момент (также лишь обозначенный в книге) — «социологи и интеллектуальная среда»,

⁴ Так, четвертая встреча в Кязрику состоялась не поздней осенью (с. 164), а весной 1969 года, точнее, 31 марта – 3 или 4 апреля. Я хорошо это запомнил, так как 1 апреля 1969 г. была изумительная солнечная погода и было еще много снега, из-за чего «сенат» (он избирался участниками в первый же день и руководил семинаром) принял решение перенести утренние заседания на вечер, а утро использовать для последней, возможно, в сезоне лыжной прогулки. Можно привести и другие примеры такого рода мелких неточностей.

предваряющий развернутую типологию советских социологов. На мой взгляд, он требует более обстоятельного анализа. Дело в том, что здесь «виновата» не только власть, но и сами социологи, которые, если и пытались влиять на эту самую интеллектуальную среду, то очень непоследовательно и недостаточно активно. Здесь стоит упомянуть хотя бы статью И.С. Кона о национальных предрассудках в «Новом мире»⁵, которые имели огромное влияние на интеллектуальный климат. Но кто еще из социологов (кроме В. Шубкина [см. 6; 7]) поддержал это начинание?

В разделе 5.2 «Социологическая база для реконструкции социальной истории» упоминается поразительно мало имен: социология молодежи — только «научный лидер-энциклопедист И. Кон»; социология города — только Г. Платонов. Но ведь проблемами города занимались также О. Шкаратан, Н. Аитов, В. Глазычев, М. Межевич и др., которые имели не менее «впечатляющие результаты». Социология села (как и социология культуры) оказалась вообще «безымянной», хотя в этой сфере работали Т. Заславская, Р. Рывкина, В. Староверов, П. Великий и др. и имели «впечатляющие» и достойные упоминания результаты. Точно так же практически «безлюдными» представлены социология образа жизни и социология массовой коммуникации.

Я сознательно привел здесь имена социологов, придерживающихся разных «партийных» позиций. История обязана быть беспартийной, но она не может быть безымянной и тем более безлюдной.

Конечно, писать историю очень трудно, особенно если она еще настолько «теплая» и «незавершенная», ведь многие её герои продолжают трудиться. Но кто-то же должен её писать, в том числе и по «горячим следам». Справедливо заметил Борис Докторов: «История есть, если только она написана».

Рассмотренный труд потребовал от Б.М. Фирсова немало душевных (да и физических) усилий, за что автор заслуживает глубокого уважения, поддержки и благодарности. Выход в свет объемного труда «История советской социологии: 1950–1980-е годы», безусловно, — важное событие в жизни нашей науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докторов Б.З. Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10–22.

⁵ Имеется в виду статья И.С. Кона «Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков» («Новый мир», 1966, № 9). — Прим. ред.

2. *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.
3. *Маркс К.* Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая) // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Госполитиздат, 1955.
4. Методологические и методические проблемы контент-анализа (тезисы докладов рабочего совещания социологов). Вып. 1, 2 / Ред. и автор предисл. А.Г. Здравомыслов. М.-Л.: ИСИ АН СССР, 1973.
5. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб., 2001.
6. *Шубкин В.Н.* Социологические опыты. М.: Наука, 1970.
7. *Шубкин В.Н.* Начало пути (проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы). М.: Молодая гвардия, 1979